

Иван солдатский сын

Служил солдат 25 лет. И у него был кантонист; звали Иваном. Иван был разучёный на семь грамот. Отслужил отец; принаследно было сыну идти в солдаты. Распростился с отцом с матерью и отправился на службу. Служил он четыре года, заслужил себе чин генерала.

Отец у него погорел. Пишет сыну отец письмо: «Нельзя ли, милый сын, как помокчи старику?» — Он служил при царе; приходит Иван Васильич к царю на совет. — «Ваше Царское Величество! Родитель вам служил 25 лет, и я заступил теперь; отец у меня погорел; пишет мне письмо — помокчи, а у меня с собой денег нет ему дать на помогу». — Царь рассудил, что надо пожалеть старика; уволил Ивана Васильича на четыре года и дал сто рублей денег с собой.

Он на ямских приезжает домой; приходит на свое место, увидел такой балаган на своем месте. Заходит в этот балаган; родители лежат. Заплакали они; сказал, что не нужно плакать. — «Хотя у нас природство богатое, а звать некуды: балаган тесной». — «Не нужно звать!» — Дал ему сын рубль денег, велел сходить в питейное заведение, купить полштофа водки и что-нибудь закусить велел принести. Поужинали они, легли спать до утра.

Иван Васильич говорит утром, что «я, тятенька, человек такой, начитанный, к работе уж не привычный, и пойду искать себе место». Дал отцу сто рублей денег, сам отправился в казённое училище.

Приходит в казённое училище, подаёт свой аттестат ученику. Ученик посмотрел и говорит, что «станешь если жить, я тебе назначу сто рублей в месяц, и стол тебе будет готовой». — Проживает он год, получил 1200 рублей; приходит домой, отцу-матери передает деньги. — «Погодим еще, тятенька, дом заводить! Еще с годик я прослужу, потом, может, получше наживем домик». Приходит он в училище, а в училище училась купеческая дочь Маша. Училась она три года и научилась только три слова. У Маши очень отец был богат; над ним надсмехались: «Совсем, говорит, у тебя дочь дура! Хороша, да дура!» — Он рассердился, не стал совсем к ней ездить. А на лицо (Маша) была очень красивая.

Приходит Иван Васильич к ней и говорит, что «Маша, долго ли ты проживаешься?» — «Я, — говорит, — Ванечка, живу три года и научилась три слова». — «А что, Маша, если я тебя (буду) обучать, станешь понимать настояще али нет?» — «Да, Ванечка, не для людей, а для себя учи меня!» (Залюбила она его сразу.) — Заводит в свою комнату: «Если, Маша, понимать не будешь, я тебе сначала саблей руку отсеку, а наконец и голову сказню! И сыску никакого не будет». — Задаёт ей строчку, она прочитывает пять да шесть. (Начала очень скоро понимать: она, может, и научилась, да не говорит ничего.) Не доходя года научилась Маша не хуже Ванечки, на все законы.

Случилось — у этого богача съезжие гости, обед. Она услышала и говорит: «Нельзя ли, Иван Васильич, нам к тятеньке сходить в гости, на суточки погулять?» — «Нужно попроситься это у учителя». — Выпросился Иван Васильич у ученика; отпустил на суточки их погулять. Идут они Питербургом. Маша и говорит: «А где же, Ванечка, твой дом?» — «Ох, Маша, — говорит, — дом был хороший, погорел». — «Ну, хоть место покажи! Где твое место?» — «А вон, — говорит, — горелые столбы где стоят, тут наше и место!» — Стали до дому доходить. — «Вот, Ванечка, об семи этажов дом, изукрашен всякими красками, вот этот самой мой дом!» — Иван Васильич остановился. — «Я, Маша, не пойду! Вы люди богатые, я человек бедный!» — «Идите, я веду вас!»

Подходят к дому; увидал купец свою дочь с верхнего этажу и говорит: «Что, мать! Ишь, дочь к чему выучилась!» (уж он прикладывает к худому: ведёт, говорит, к себе млыша). «Пойду, мать, я, — говорит, — с ней голову сказню, с дочери!» — А купчиха говорит: «Отец, неладно! Мы тут згвалу наживём много! Съедутся хорошие люди, а ты отсекешь голову с дочери, — тут згвал будет!» — Купец купчихе велел млыша оставить где-нибудь на кухне, а она пущай приходит кверху. Встретила купчиха и сказала дочери, что «Маша, ты неладно идёшь!» — Маша поняла в этом. — «Ты, мамонька, этого человека не сконфузь! Он мне не млыш! Посадите его на первое место: это ученик и человек не простой, а генерал. Я разучилась от него на семь грамот».

Купчиха кверху поднялась, купцу рассказывает, что дочь наша разучилась хорошо, на семь грамот, и это — ученик, надо его принять! Купец с трепетом его принял, посадил в первое место, начал угощать. Он и говорит: «Маша, нужно прочитать, взять книгу: пущай добрые люди послушают, что ты поняла от меня!» — Маша читала. Был у ней дядя, губернатором служил.

Выслушал у ней хорошие речи, подает Ивану Васильичу сто рублей денег «за то, что хорошо разучил мою племянницу». А купец на ответ сказал: «И от нас будешь не оставлен!» — «Экой, мать, хороший молодец! Как бы нам замуж за него отдать?» — говорит (заглянулея отцу-матери).

«А что, Иван Васильич, нельзя ли твоих родителей достать сюды?» — «Можно, можно, как если желаете!» — Кучеру обсказал; кучер съездил за его родителями. Приезжает солдат, зашел в палаты. Стал купец угощать всех сряду; купец и говорит: «А что, господин служивый старичок, нельзя ли сынка отдать мне за Машу в дом?» — «Дело не мое, дело сынино!» — Купец сказал: «Что, Иван Васильич, не желаешь ли взять мою дочь Машу?» — Иван Васильич на то сказал: «Как пойдет?» — Маша на то сказала: «Если, Иван Васильич, ты меня не возьмешь, я удавлюсь или утоплюсь!» — Купец заставил музыкантов музыку играть, пошли кадрили плясать. И все плясали хорошо. Пошел Иван Васильич с Машей; хотя и не так хорошо сплясали, губернатор опять выдает сотню рублей, подает Ивану Васильичу за пляску: «Молодец! Хорошо удрали кадрили!» — Покутили и все поразъехались.

«Время и нам в училище ехать!» — «Нет, уж мы, Ванечка, ночуем ночь!» — Ночь переночевали. Поутру купец встает, приказал лакейке самоварчик подгоношить, попотчевать его. Чаю напились; он пошел в свою кладову, тащит ему наперво шесть тысяч денег, «за то, что разучил его дочь». Подарил Ивану Васильичу шесть тысяч денег. — Купчиха говорит: «Ты, отец, подарил, а я как?» — «Мать, у тебя свои деньги!» — Та пошла в кладову и тащит ему опять шесть тысяч. Дочь говорит: «Тятенька, вы подарили, а я как?» — «Мила дочь, у тебя свои деньги!» — Пошла она в комнату, натёркала полон саквояж, подает: «Вот, Иван Васильич, вот эти деньги отвези своему родителю!» — Он привозит домой. — «Кучер, поезжай домой! Я здесь останусь ненадолго». — Кучер уезжает. Иван Васильич приходит в балаган к отцу к матери. — «Будет, тятенька, лежать в балагане! Я тебе препоручу 12 тысяч, ступай, дом скупи себе!»

Солдат живо оделся, деньги взял, отправился по городу. Идёт городом. Идёт купец, пригорюнился. — «Что, купец, невесел?» — «Да вот, нужно, — говорит, — дом продать; дом мой к описке, а я не могу!» — «Продай мне!» — «Пойдем, поглядим дом!» — Приходят; домик трехэтажный. — «А что, купец, просишь за него?» — «Мало ли бы чё он стоил! Отдай мне шесть тысяч, я тебе все и отдам; что есть в доме, все твое!» — Солдат вынимает деньги, подаёт ему шесть тысяч. Купец солдату говорит: «Есть у меня еще три лавки с товарами, купи и их!» — Купил за шесть тысяч со всем товаром

три лавки; получил с него купчую. Приходит в свой балаган. — «Сын, — говорит, — я твои деньги издержал: купил дом и три лавки». — Сын ему сказал: «Найми ты трёх приказчиков; вот я тебе даю еще двести рублей на пропитал, а ты, мамонька, бери этот саквояж, деньги из него береги, никуда не держи!»

Сам отправился к купцу в дом, к Маше. Приходит Маша и говорит, что «нужно нам с тобой идти в училище». — Идут городом; дошли до эдакой часовеньки. Маша и говорит: «Давай здесь, Ванечка, отдохнем, сядем!.. Не для того я стала отдыхать, а сделаем мы с тобой записи, что ты покроме меня никого не бери и я покроме тебя никого не возьму!» — Она вынимает бумаги и карандаш, давай живо писать, что «я покроме Ивана Васильича ни за кого не пойду». Он также: «Покроме я Маши тоже никого не возьму». — Взяла она эту записку, положила за икону: «Будет у нас Мать Пресвятая Богородица в поруках».

Потом они отправились в училище. Немножко там, недельку пожили, он и говорит: «Маша, я схожу, разгуляюсь куда-нибудь?» — «Можешь, можешь, Ванечка!» — Приходит к этой самой часовеньке, три раза подходил — икона его не допускает записку взять (ему хотелось себе взять ее). — «Что же я! Я человек поучёный; меня икона не допускает, стало быть, законно изложено; пойду обратно в училище, не стану брать!» — Приходит; Маша и говорит: «Куда же ты, Ванечка, ходил?» — «Да, Маша, тебя обмануть можно, а Бога не обманешь! Ходил я к часовеньке, хотел записку взять — икона меня не допускает». — Маша сказала: «Еще ты не уверяешь?» — «Теперь я, Маша, никогда думать не буду, надёжен буду, что ты желаешь за меня замуж».

Через неделю после этого дела царь пишет письмо Ивану Васильичу являться на службу (безо всяких озадков, не отговариваться, значит). Иван Васильича горе ошибло; запрёг ямских лошадей, Маше не пояснил и уехал. Маша ждет день, и два, и с неделю, — Иван Васильич не идет в училище. Маша то подумала: «Непременно кто-нибудь сметил, что у него деньги, кто-нибудь его убил; живого нет, видно, дома». — Ученику сказала, что «выпишите меня из училища; не буду я здесь проживаться; отправлюсь я теперь домой». — Маша приходит домой. — «Я, тятенька, теперь дома буду проживаться; будет учиться». — Просит у родителя лошадку по городу покататься. Отец приказал запрекчи кучеру; села Маша, по городу ездит — замечает и к его дому подъезжает; спрашивала. — «Мы и сами не знаем где». (Про Ивана Васильича все спрашивала.)

Она после этого ударилась хворать: найти его не могла нигде. Дохтура ее пользовали, ничем не могут вылечить: день ото дня все ей хуже, не стала ни есть, ни пить. Был отставной дохтур Василий Петрович, приходит, ее хворь узнал, что она от чего хворает. Дохтур сказал купцу, что «твоя дочь не хворает!» Купец сказал: «Как не хворает? Не пьет, не ест?» — «Нет, не хворает, — говорит, — на то я тебе скажу, ты осердишься, что она не хворает отчего». — «Не осержуся, скажи только!» — «Непременно у тебя какой-нибудь человек приказчик хороший или нет ли дружка какого хорошего? Она в человека влюблена, его не видит, оттого и хворает». — «Да и верно ты сказал: она теперь не видит Ивана Васильича, он отправился на службу; непременно он ей не сказался, непременно она от него и хворает, в тоску вдалася! Скоро я его обрачу, брат у меня служит губернатором, он напишет письмо царю: царь его вернет обратно к нам».

Купец живо письмо написал брату: «Попроси Ивана Васильича домой! Племянница плохая, тоскует об Иване Васильиче». Письмо приходит. Губернатор приходит к царю на совет об своей племяннице. — «Ваше Царское Величество, я Вас прошу усердно: нельзя ли отпустить Ивана Васильича к моему брату? Записная его невеста об им тоскует, хворает шибко». — «Очень он мне дорого стоит — отпустить его домой. Если желает твой брат, пущай высылает по тысяче рублей в год, а так не отпущу!» — Брат посылает письмо: «Желаешь если зятя названого достать, так высылай тысячу рублей в год!»

Купец законвершил четыре тысячи рублей и посылает к царю, чтобы непременно поскорее выслали Ивана Васильича; на четыре года сразу откупает. Приходят деньги к царю. Царь требует его к себе: «Откупил тебя тесть на четыре года; ты теперь отправляйся в свой родной город!» — На ямских он ехал, торопился домой. Прогоня стоят что-нибудь, — он втрое платил, только как-нибудь да скорее доехать. Последнюю станцию стал доезжать — Маша его кончилась (померла). Он ямщику втрое платил, чтобы ехал как можно скорее, чтобы до него не могли схоронить.

Приезжает к купцу прямо в дом. Рассчитался с ямщиком. Купец вышел его встречать. — «Да, Иван Васильич! Не застал свою невесту, кончилась!» — «Что поделаешь? Все-таки захватил, не схоронили!» — Заходит в его палаты. Она лежала на столах. Он велел убрать гроб и всем выйти из комнаты. Подходит к Маше, громко сказал: «Что ты задумала? Я приехал к тебе на житьё, ты помираешь!» — Маша сбросила глаза, глядела на него. Он повторил ей, еще скричал попуще. Маша сказала: «Неужели ты это, Иван

Васильич, ко мне явился?» — «Да, я!» — говорит.

Она попросила у него что-нибудь выпить: «У меня, — говорит, — все запеклось; я говорить с тобой не могу!» — Он поднял ее, напоил и начал по комнате водить. Не утерпели родители, приходят в комнату, глядят — дивятся. И он велел убрать, что ей припасено (гроб), а то испугается! И не велел ей говорить про это. Сказала Маша: «Что ты поехал — не сказал мне? Я бы отправилась с тобой же! Теперь я не отпущу от себя никуда тебя!» — «Я откупленный на четыре года; теперь в четыре года не пойду никуда от тебя!»

Она прожила с месяц, направилась по-старому, как есть. Он ей и говорит: «Маша, я отправлюсь к своим родителям, скажу, что я здесь проживаю: они будут знать». — Она ему позволила, только не на долгое время. Иван Васильич приходит к своим родителям, сказал. Родители начали его угощать. Хотел после этого лавки поверить; долго загу́жался.

К купцу приезжает королевский сын из и́нных земель, сватать дочь. Купец с купчихой советовали: «Чем отдать за Ивана Васильича, лучше отдать за королевского сына! По крайней мере, иметь будет державу». (Записи нарушить охота.) — Призывали свою дочь в свою комнату, где у них совет: «Дочь, хотим мы тебя отдать за королевского сына!» — «Хоть за царского, и то не пойду! На то у нас и сделаны записи, что я не хочу нарушить и за Ивана Васильича пойду!» — «На это я не погляжу, — отец сказал, — прикажу отдать тебя, завязать прикажу тебе глаза и отправлю в глухой повозке!»

Она послала лакейку вскоре за Иваном Васильичем, чтобы везли, а то не захватит! Лакейка приходит, Ивану Васильичу объясняет, что приехал королевский сын, отдадут за него Машу; «айда скорее захватывай!» — Иван Васильич сказал: «Что я за дурак, пойду? Она ведь мне не жена, когда выдает, пущай выдает!»

Иван Васильич сходил за таким слесарем, приковать сундучок велел к карете поскорее. Сходил на ямской дом, привел тройку лошадей, запряг в карету. Был трахтир против этого самого купца; приезжает в трахтир сначала. Стал вылезать. Маша глядит, что «не ко мне приехал, а где не надо, тут приехал!» — Только заходит он в трахтир, Маша заревела дурным голосом: горе ее ошибло. Иван Васильич услышал ее рев. — «Стало быть, Машу нечестно везут! А я зашел в трахтир!.. Худых речей я не говорил, можно и выйти!» — Выходит из трахтиру Иван Васильич, садится в карету.

Завязали Маше глаза и повезли в королевство. Он к кучеру своему сказал, что «айда за ними до станции! Я заплачу тебе». — И вот они едут; лошадей переменяют, также и он переменяет, до самого едет места. Королевской сын догадался. — «Что такое, с самого места и заехал в нашу державу! Едет какой-нибудь хитник, дело не ладно!» — Заехал в свою крепость, а дежурному приказал последнюю карету не пущать!

Иван Васильич ехал по край города; увидел такой пятистенный домик, становится квартировать в этот дом (выпросился на фатеру). В этом дому живет одна старуха, никого больше нет. Старухе подает четвертную, сходить велел на рынок: «Сходи, купи бисерту!» — Приносит она, оставши деньги подает ему. — «Будут они твои деньги, клади их в свой сундук!»

После этого он дает ей сотенную и говорит: «Сходи, бабушка, узнай, у королевского сына невеста жива али нет? Если жива, приходи домой, ничего не надо!» (Он и дорогой хотел украсть, да никак не мог.) — Старуха целый день добивалась, никак не могла добиться: что жива или нет: деньги не берут. Старуха повечеру приходит так. Подает старуха, приносит деньги назад: он не берет: «Дато тебе,—говорит,—клади в сундук!»

Он ночь переночевал; утром сдумал сам идти узнать. Взял денег с собой немало, отправился сам. Подходит к крепости; роется старик у крепости (киркой, лопаткой). Старик на него свирепо (не баска) смотрел, сказал: «Что тебе, молодец, надо?» — Молодец сказал: «Нужно бы мне посмотреть королевскую невесту! Как добиться?» — «Что не пожелаешь ты поглядеть невесту?» — Иван Васильич вынимал ему сто рублей денег, подавал старику. Старик сказал: «Если сто рублей ты мне подал, как увидишь. На вот, ешь эту ягоду, и сделаешься ты сначала стариком; а если хочешь молодым, то вот я тебе еще иного сорта дам ягоду: съешь эту, и будешь ты молодой». — Сначала съел он старого сорту ягоду, сделался стариком. — «Давай, дедушка, еще одёжкой переменяемся с тобой!»

Потом он пошел край крепости. Приходит к крепостным воротам Иван Васильич. — «Дежурный, пропусти старика в крепость!» — «Проходи, проходи, старичок!» — Подходит (близ королевского дому стоят солдатова шинка) он к лавке, взял он княжеской одежды на себя. Съел другую ягоду, сделался молодым. Приходит: близ королевского дому стоит толпа солдатова; видят, что идет чужестранный князь, выдали (воздали) ему честь. Тогда он вынимал из карману сто рублей, подавал им в гостинцы.

Сказал Иван Васильич: «А что, королевский сын дома или нет?» — «Королевский сын уехал в русскую державу за тестем: когда привезет тестя, тогда будет венчаться». — «Можно ли в его палаты зайти?» — «Иди, никто тебя не стеснит; айда!» — Зашел он в королевские палаты; сидят ѝхи генералы; увидали чужестранного князя, честь воздали ему; он подавал триста рублей денег им, приказал им разделить по себе. — «Экой добродѣтельный князь!» — Сказал Иван Васильич: «А что, господа генералы, нельзя ли королевскую невесту посмотреть?» — «Можно». — Дежурному приказали ему показать.

Дежурный сказал: «Иди за мной!» — Доводит он до эдакова калидорцу: она с девушками сидит, уважается, и перед ними музыка стоит. Он подходит и говорит: «Здравствуешь, Маша!» — «Ах, Иван Васильич, неужели это ты?» — «Да, — говорит, — я!» — Маша пала на пол и с душой рассталась. Иван Васильич видит, что дело не ладно, сдумал после этого из комнаты убираться. Королю доложили, что Маше что-то сделалось, знать, кончилась: вошел какой-то чужестранный князь, только одно слово сказал, она и кончилась. Король сказал: «Кто мог его без меня допустить?» — Король приказал разыскать его: «Я его упеку, где ворон кости не носит!»

Иван Васильич приходит в ту лавку, где он одежду взял; лопоть эту снял, свою старую одел; купцу сказал, что «если будут меня искать, тогда скажи, что «мимо моей лавки прошел чужестранный князь». Действительно, не через долгое время спрашивают у лавочника, что «не проходил ли чужестранный князь?» — «Недавно проходил мимо моей лавки».

Иван Васильич пошел к старухе на фатеру. Идет и думает: «Маша кончилась, и только мне не досталась, так и ему не доставайся!» Приходит к старушке, подает четвертную, велел ей сходить взять бисерту побольше. Старуха взяла бисерту, а оставшие деньги в сундук положила. В ночь ничего хорошего не выдумал, а то выдумал, что пойду я во дворец, повешу петлю и сам задавлюсь.

Вышел на двор, написал на столбе подпись: «Что у меня осталось денег, никто чтобы не вникался, были они старухины деньги». — «Задавиться мне во дворе не годно: старуха будет бояться. А поду я на волю лучше задавлюсь!» — Приходит он к морю: «Вот мне смерть хорошая! Я плавать не умею, паду в море, вот тебе и всего!» — Разулся, разделся, сидит на берегу.

Вдруг бежит к нему зверек. — «Все равно мне гинуть, погляжу, как будет меня зверек рвать (есть)». — Зверек к нему подбегает, он не сробел, взял

камень, зверька убил сам, наперво. Не через долго время бежит зверек другой, тащит вроде золотой камень во рту; начал этого зверька исцелять, по нему камнем поглаживать. Не через много время убитый зверек побежал вместе с этим со зверьком, обронил этот камень. Иван Васильич думает: «Камень этот хороший; если Машу схоронят, я ее исцелю; погожу топиться!» — Надевал на себя рубашку и подштанники, а камень в карман клал.

Отправился он в город; задумал зайти в питейное заведение. В питейном заведении сидят три пьянчужки, опохмелиться им не на что. То Ваня сметил дело: приказал целовальнику четверть налить; целовальник налил четверть, приказал Ваня самим им выпивать. Как напились они вина, один другому и говорят: «Ты что такой! Я ведь, по крайней мере, живописец, срисую человека, как живой, только не говорит!» — один выхвастался. А другой говорит: «Я тоже не простой человек! Я слесарь: что только ни увижу, то разве не излажу!» — А третий говорит: «Хоть за мной не шибко ремесло мудро, но все-таки я каменщик: могу печи класть и трубы!»

Ваня вызвал их на улку и говорит: «Вы знаете, что у царя невеста померла; вы украдете мне ее, я вам дам по триста рублей денег!» — «Это для нас что! Я отправлюсь в монастырь, возьму воску, срисую из воску женщину как живую!» — А другой говорит: «У меня свёрлы хорошие, я могу стену пробурлить». — А каменщик говорит: «Что вы разломаете, когда вытащим, я залажу!» — То он им дал по сто рублей денег задатку: «А если притащите, еще по двести дам! Вытащите мне за город, вот на такую-то елань (ночным бытóm)!»

Сам отправился к старушке, приказал бисерту купить побольше. Записи со столба сшоркал, взял денег с собой немало, для запаса. Дó ночи доживает, старушке объясняет: «Я сёднишнюю ночь погуляю, а может, приду не в показное время — так ты пусти меня!» — Приходил за город, лежал на елане ночь, дожидал их. Приходят ночным бытом эти самые пьяницы к королевскому дому, начали стену бурлить. Провертели, разломали дыру порядочную. А дежурный увидал и говорит: «Что-то мне блазнит: светленько стало; и пошире, — говорит,—дыра-та стаёт... Алі кто ее утащит? — Да никто не пошевелит! Только мне блазнит», — говорит.

Один залез, вынул ее из гробу, раздел ее из платья; подали ему восковую, он ее одел в платье, положил в гроб, а Машу вынул на волю; то посадили; каменщик живо дыру заложил. Дежурной посмотрел: дыры не видать: «Ну, вот давече мне блазнило, а тепере ничего не видать!» — Они приносят

Машу за́ город. Ваня дождался. — «Тащите?» — «Тащим!» — Притащили; он дал им по двести рублей денег и говорит: «Братцы, вы меня не знаете, и я вас не знаю! Смотрите, не хвастайте, что я такое дело сделал! А то вы должны под суд попасть за это!»

Вынимал он камень, исцелял Машу. Маша не через долгое время встала. Маша на ответ сказала: «Где я сижу и нагая пошто?» — «Сидит возле тебя Иван Васильич; вот я дам тебе пальто и надевай мои калоши, пойдем отсюда со мной на фатеру!» — Приходят в хорошую лавку, где он княжеские одежды раньше брал; разбудили тогда лавошника; купец встал, лавку отворил; тогда они купили одежды у его на жену и на себя на 500 рублей.

Приходят на квартиру к старушке, стучались; старушка выбегала, их пустила в избу. — «Бабушка, мы не на долгое время в особой комнате приоденемся, тогда на нас посмотри!» — Надела она хорошее на себя платье, хорошую там шаль, и также он надел на себя княжескую одежду. Иван Васильич сказал: «Бабушка, нет ли у тебя чего закусить?» — Давала она всякого бисеру, подносила им закусить жареного и пареного. Напились, наелись, легли в горницу (в спальню) спать. — «Маша, будет уж, время вышло! Теперь можно и блуд сотворить с тобой».

До утра доживают. Королевский сын привозит своего тестя (венчаться хотел); объяснили ему, что Маша кончилась. Купец уж затем, что схоронить, остался. Дали знать по городу всем, чтобы шли на похороны. — «Маша, али мы сходим с тобой на похороны?» — «Что ты, Иван Васильич, тебя узнают — убьют, а меня все-таки отберут!» — «Наденешь на свое лицо черную сетку, а я сряжусь в княжескую одежду! Кто же меня признает?» — Решились; пришли в королевские палаты и сели против тестя и тещи. Купчиха струменилась, глядит на Ивана Васильича и признает его; и говорит купцу, что «это — Иван Васильич!» — А купец говорит: «Ты не смей говорить! Чужестранный князь! Мало ли лицо в лицо находится (приходит)? Ты наделаешь тут згвалу!» — К купчиха говорит: «Это, отец, — говорит, — наша дочь с ним сидит!» — «Что ты за дура? Наша дочь в гробу и платье наше на ней!»

Стал королевский сын по бокалу обносить. Подносити Ивану Васильичу бокал водки королевский сын и говорит: «Прими, господин князь, за упокой Машеньки!» — А князь говорит, что «поздравляю я тебя с законным браком с Машей!» (На смех он ему сказал.) Тогда сказал королевский сын: «Что мне, бестия, такие слова выражаешь? Я тебя туда запеку, где ворон

кости не носит!» (Не злюбилося!)

Потащили ее на кладбище. На кладбище принесли, Иван Васильич говорит королевскому сыну: «Я тебя хочу спросить, кого ты хоронишь?» — Королевский сын сказал: «Я хороню Машу, свою невесту!» — А князь говорит: «Если ты свою Машу хоронишь, то я тебе свою голову даю на подсечение! А если — не Машу, то я с тебя голову снимаю! В тем распишешься мне?» — Королевский сын согласен на это был (записи сделать). Сделали записи. — «Родители, распишитесь в нашем деле! Не препятствуйте, чтобы никакого суда не было! Законно дело», — князь говорил. Приказал ихим священникам расписаться, также и генералам, чтобы не препятствовали в этом деле.

Спрашивал князь Иван Васильич отца-матери сначала, что «признаете ли? Ваша ли это дочь лежит в гробу?» — Купец с купчихой сказали: «Наша дочь лежит, наше и платье!» — Королевский сын было саблю нанес, хотел голову снести,—он ему не дал. — «Погоди еще, рано! Я обследовать тело хочу! Господа дохтура, нужно отнять руку и обследовать тело мертвое!» — Дохтура отрезали руку и обследовали: запихнуто дерево, а налиплен воск; дохтура не признали за тело.

«А что ты, господин королевский сын, не желаешь ли живую Машу посмотреть?» — Королевский сын сказал: «Где я ее возьму — погляжу на нее?» — Приказал Маше: «Сними с себя сетку!» — «Где же ты ее взял?» — Тогда он полыснул своей саблей, снял с его голову: «Вот я где ее взял!» — говорит. — Тогда закричали все: «Браво, браво и браво! Законно сделал!» — говорит. — Купчиха купцу тогда говорила: «Вот я, отец, тебе правду сказала, а ты не поверил!»

Король тогда сказал: «Господин князь, живи в моем городе наместо сына, и я также возьму эту твою невесту наместо дочери; и будешь ты у меня править, проживаться в моем городе наместо сына!» — «Не время мне здесь служить, а я еще у русского государя должен служить! У меня еще служба не кончена!» — Начал тестя он стыдить и тещу: «Бесстыдник ты такой, — говорит, — откупил меня на четыре года, а потом сдумал смеяться — выдал за другого!» («Смеешься надо мной!» — говорит.) — Отправился домой (со старухой рассчитался). Приехал домой, повенчался; женился и стал поживать.

(Зап. Зелениным от А. Д. Ломтева)

Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. Москва.
Изд. "Правда", 1991.